

Наконец, Чай Цзыхао, не в силах больше сдерживаться, занёс руку и отвесил ему пощёчину. Чай Цзыжань, прячась за спиной Юань Хана, избежал удара, и тот пришёлся по слуге. Юань Хан, прикрывая покрасневшую щёку, пригнулся ещё ниже, подставив под удар высокую фигуру своего господина, и тот получил от маркиза звонкую оплеуху.

Чай Цзыжань, прижимая ладонь к щеке, смотрел на брата глазами, полными слёз и немого укора:

— За что ты меня ударил?

Чай Цзыхао, выместив гнев на обоих — и на господине, и на слуге, — немного успокоился и выпалил вопрос, который вертелся у него на языке:

— Ты приставал к Лоу Юйцзэ! Разве не заслужил?

Чай Цзыжань на секунду окаменел, затем, запинаясь, поднял на брата взгляд, полный недоверия:

— Жун Лин сказал, что я приставал к Лоу Юйцзэ? — Получив отчаянный кивок Чай Цзыхао, он снова впал в ступор. Сидя на земле, одной рукой он продолжал тереть ушибленную ногу, а другой прикрывал правую щёку. Со слезами на глазах он выглядел точно обесчещенный юноша.

Чай Цзыхао, нахмурившись, какое-то время пристально смотрел на него, потом прищурился и спросил:

— Ты что, мужчин любишь?

Чай Цзыжань уже не мог окаменеть. Он лишь глупо уставился на брата:

— А ты разве не мужчина?

Ответом стала ещё одна звонкая пощёчина, на этот раз по левой щеке. Чай Цзыжань, переложив руку с ноги на пылающую щёку, в душе проклял Жун Лина всевозможными карами. Он смотрел, как старший брат, раздражённо взмахнув рукавом, уходит прочь. Широкий рукав мелькнул перед его лицом, и тут его осенило:

— Меня оклеветали!

Чай Цзыхао даже не обернулся:

— Если не приставал, то зачем называл его красавчиком и хватал за плечи?

Чай Цзыжань, обычно такой речистый, на этот раз лишился дара слова. В груди у него всё сжалось.

— Ажань! — Сладкий, звонкий голос разорвал тягостное молчание. Он обернулся и увидел Чай Яньжань в сиреневых одеждах. Её лицо, размером с ладонь и формой напоминающее гусиное яйцо, украшали огромные, блестящие, будто говорящие глаза. Сидя на земле, весь в пыли и беспорядке, он при виде своей прекрасной и нежной старшей сестры пополз, а потом и вовсе бросился к ней, рыдая навзрыд:

— Сестра, меня оклеветали!

Глаза Чай Яньжань, казалось, умели говорить. Она нежно погладила младшего брата по щеке, и в её голосе прозвучала искренняя жалость:

— Братец так жесток! Как же теперь ты будешь ухаживать за господином Юйцзэ?

Чай Цзыжань уставился на неё остекленевшим взглядом:

— Сестра, что ты такое говоришь?

Чай Яньжань, словно щенка, потрепала его по голове, взъерошив чёрные волосы в беспорядочный соломенный вихрь.

— Сестра не шутит, я всё понимаю, — её глаза заискрились. — Если нужна помощь, не стесняйся, проси! — Она положила изящную руку ему на плечо и вздохнула, но в этом вздохе слышалась и радость. — Вот почему, когда я рассказывала тебе о самых красивых девушках столицы, ты оставался равнодушным. Все эти годы я переживала, что ты останешься один-одинёшенек. А оказывается, мой Ажань просто любит мужчин! Господин Юйцзэ, конечно, красавец, но и ты, братец, тоже статный и видный юноша. Возьмёшься за ум, считаешь книг — и, глядишь, скоро он на тебя по-другому посмотрит.

Чай Цзыжань положил руки на плечи сестры. Он был на грани слёз.

— Сестра... что именно этот Жун Лин про меня наговорил?

***

Трактир «Дымка и дождь» был построен на личные средства одного сановника павшей династии, дабы содержать своих многочисленных гостей и клиентов. В те времена простолюдины считали за честь хотя бы одним глазком взглянуть на это заведение. Оно занимало огромную территорию у подножия горы Мосюэханьмэй, откуда били тёплые ключи, наполняя ручьи. Внутри были возведены беседки, павильоны, мостики через журчащие потоки. Водились диковинные звери и птицы, росли редчайшие цветы. Были устроены даже особые иллюзорные сады: проходишь по тропинке — чувствуешь аромат цветов, слышишь пение птиц, но самих их не видишь. А над всем этим перекинут радужный мост, сияющий всеми цветами и отбрасывающий мягкий свет. Трактир «Дымка и дождь» слыл не иначе как райским уголком.

После падения династии и восшествия на престол нынешнего императора трактир был пожалован Мо Цзюцзюню, сыну Великой старшей принцессы. Мо Цзюцзюнь занимал должность младшего советника — незначительный пост с небольшим жалованьем. Но поскольку он был племянником императора по материнской линии, все чиновники при встрече улыбались ему, уступали дорогу и держались почтительно. При этом он славился скверным характером, холодностью и мрачностью. Связываться с ним было себе дороже, за что он и получил прозвище «Живой Ямараджа».

Казалось бы, Живому Ямарадже деньги ни к чему, но, получив трактир, он принялся вести его как обычную гостиницу: открыл столовую, сдавал комнаты, устроил литературный павильон. Любой, у кого звенело золото и серебро, будь то сановник или купец, был здесь желанным гостем и полновластным хозяином.

Трактир «Дымка и дождь» был местом, куда простому человеку путь заказан. А под самым боком у императора самыми денежными были, конечно, чиновники да их отпрыски. Если в трактире «Дымка и дождь» что-то обсуждали, слухи разлетались мгновенно, и остановить их уже было невозможно. Спросите, кто, кроме членов самой императорской семьи, мог бы

заткнуть рот болтливым чиновникам и их чадам?

***

Полчаса назад в столовой трактира «Дымка и дождь» появились неказистый Жун Лин и Сяо Моси в синих одеждах. И едва Сяо Моси воскликнул: «Да Лоу Юйцзэ приставал!» — как все богато одетые посетители, прерывая трапезу, уставились на них, а затем наперебой принялись расспрашивать.

Жун Лин, на которого были устремлены все взоры, вовсе не хотел разглагольствовать, но под давлением публики был вынужден «выложить всё как на духу». С момента самой истории прошло всего полчаса. Врата Цинхуа в столице всегда открывались позже всех. Жун Лин как раз возвращался в город из родных мест и, дожидаясь у ворот, случайно встретил господина Юйцзэ. Считая себя человеком невзрачным и неприятным, он не хотел идти рядом, дабы не омрачить своим видом столь прекрасного спутника. Но не успел он отойти, как его-то жутковатая внешность и привлекла внимание господина Юйцзэ.

Тот сказал: «Господин Жун Лин, давно не виделись».

Жун Лин уже собрался было вежливо кивнуть, как вдруг услышал окрик наглого слуги: «Прочь, прочь! Убирайтесь с дороги, негодяи! Мой господин Цзыжань — брат самого маркиза Синьу! Кто посмеет преградить нам путь, тому не сносить головы! Доложу маркизу — и всех вас, невежд, в собачий корм пустят!»

Закончив свой рассказ на этой фразе, Жун Лин вызвал настоящий переполох. Все посетители пришли в негодование.

— Да кто такой этот Чай Цзыжань?! Как он смеет так нагло вести себя у самого подножия трона?! — кричал один.

— Дом маркиза Синьу и так уже выродился, управляется незаконнорожденными — поднятой грязи не удержать! Чего они мнят о себе?! — подхватил другой.

Один гость, закончив ругаться, уступил место следующему, который с ехидной ухмылкой добавил:

— Этот Чай Цзыжань ещё считает, что его семья — та самая, славная со времён генерала-основателя? Бессовестный! И неизвестно ещё, как он тогда, на Празднике середины осени, всех одурачил и титул «вундеркинда» заполучил! Хорошо, что наш Сын Неба прозорлив — сразу подделку раскусил, титул отобрал да ещё и наказал: пожизненно на государственную службу не допускать!

Ещё один посетитель громко расхохотался:

— Да какая ему, этому тунеядцу, разница — на службе он или нет? Всё равно он — кусок навоза, не более! Ха-ха-ха-ха-ха!

В этот момент один из гостей, казалось, усомнился и тихо пробормотал себе под нос:

— Но ведь на том празднике стихи сочиняли при всех, на месте... Чай Цзыжань справился меньше чем за полчаса. Не похоже на обман...

Разумеется, осмелился он только пробормотать. Ведь сам Чай Цзыжань признался перед лицом

императора, что смошенничал. Кто же посмеет усомниться? Даже если у кого-то и закрадывались сомнения, он должен был задушить их в зародыше и свято верить в вину Чай Цзыжана.

Крики негодования, направленные против Чай Цзыжана, нарастали, становясь всё горячее. Казалось, все жаждали немедленно разорвать его на части и вытопить из него сало. В этот момент Сяо Моси сердито ткнул Жун Лина:

— Хватит чай распивать! Дальше-то что было?!

Громкие крики смолкли. Этот мягкий, но нетерпеливый окрик заставил сердца присутствующих ёкнуть от любопытства, и они возненавидели Жун Лина за то, что тот тянет с продолжением.

Жун Лин, наконец утолив жажду, продолжил:

— Господин Цзыжань, едва взглянув на господина Юйцзэ, был ослеплён его красотой — будто сам бессмертный с небес сошёл. И глаза у него так и засверкали... — Тут Жун Лин скривил лицо, поднял чайник и прямо из горлышка хлебнул обжигающего чаю. Выдохнув клуб пара, он выпалил:

— Так и рвался с него белые одежды сорвать!

— Неслыханное свинство! — ахнули посетители, а Сяо Моси в позе отчаяния прижал руки к сердцу.

Все знали, что Сяо Моси боготворил господина Юйцзэ, возводя его в ранг божества. Теперь, когда его кумир был осквернён, его скорбь была безгранична. Остальные посетители прониклись сочувствием и возненавидели Чай Цзыжана ещё сильнее.

<http://bllate.org/book/15931/1423799>